На следующий день Юнь Пяньпянь достала 20 таэлей и хотела отдать их дедушке Цзяну в качестве арендной платы за год для нее и Сяо Чанъюаня.

Но дедушка Цзян быстро отказался:

— Ты вежлива, девочка, но где это дом стоит двадцать таэлей? Максимум — пять. В нашей маленькой деревне столько зарабатывают за год. Двадцать таэлей — это слишком много, как я могу брать с вас столько денег…

Юнь Пяньпянь поняла, что уровень цен в древние времена был очень низким. Так она превратилась в маленькую богачку со своими 600 таэлями. Это было приятно.

Юнь Пяньпянь еще больше захотела отдать деньги дедушке Цзяну и изо всех сил попыталась уговорить его:

— Оставьте их себе, мы с мужем встречали на своем пути много плохих людей, и нам много пришлось натерпеться. Позвольте отплатить за вашу доброту. Если вы не примете деньги, у нас с мужем будут большие проблемы с совестью….

Юнь Пяньпянь так распалилась, что в конце концов уговорила дедушку Цзяна принять деньги. Позже он попросил Цзян Цюйцуй принести им много бекона и фрикаделек в ответ, опасаясь, что она даст еще больше денег.

Узнав, что Юнь Пяньпянь любит маленьких животных, дедушка Цзян также дал Юнь Пяньпянь несколько цыплят, чтобы она их вырастила.

Юнь Пяньпянь с любовью ухаживала за ними: держала цыплят в ограде и кормила их рисом.

— Цыпленок, ты такой милый! А какой вкусный будешь, если потушить тебя с грибами!

Сяо Чанъюань случайно проходил мимо, и его брови вскинулись, когда он услышал слова Юнь Пяньпянь.

— Госпожа, они же вам нравятся, зачем их есть?

— Потому что курица, тушеная с грибами, очень вкусная, — спокойно ответила Юнь Пяньпянь.

— Ты не думаешь, что это жестоко: есть тех, кого ты вырастила своими руками с такой заботой? — нахмурился Сяо Чанъюань.

Юнь Пяньпянь поразилась: этот кровожадный тиран на полном серьезе обсуждал с ней, что такое жестокость? Она оторвалась от цыплят и ошарашенно посмотрела на Сяо Чанъюаня.

Прошло много времени, прежде чем она обрела голос.

— Почему ты говоришь о жестокости? Я держу этих цыплят только для того, чтобы их съесть…

Красивое лицо Сяо Чанъюаня было холодным. Он выглядел немного несчастным.

— А ты подумала о том, каково им?

— Их всегда растят для того, чтобы съесть. Как они могут чувствовать?

— Госпожа, вы едите все, что вырастили своими руками?

Кожа головы Юнь Пяньпянь мгновенно онемела:

— Не называй меня извращенкой, ладно?! Это домашняя птица, еда, и они не мои домашние животные. Если бы у меня были котята или щенки, так я не стала бы их есть!

Сяо Чанъюань нахмурился:

— Как ты определяешь, являются животные едой или домашними любимцами?

— Своему питомцу я обязательно дам имя. Питомец — это мой друг, мой ребенок и мой самый ценный партнер!

— Меня зовут Ши, у меня есть имя, — внезапно произнес Сяо Чанъюань и пристально посмотрел в глаза Юнь Пяньпянь. — Значит, я тоже твой самый ценный партнер, верно?

Юнь Пяньпянь была в замешательстве:

— Ты мой муж, и, конечно, ты тот человек, которого я ценю больше всего.

Сяо Чанъюань поджал губы и посмотрел на нее. В его холодных и глубоких черных глазах было видно сомнение. Юнь Пяньпянь казалось, что он смотрит ей прямо в душу через глаза.

Она почувствовала, что Сяо Чанъюань сегодня был немного необычным, и нахмурилась:

— Муж, что-то не так?

Сяо Чанъюань не отвечал, а просто молча прололжал смотреть в ее глаза. Его лицо казалось бесстрастным.

Желтые цыплята пищали и клевали рис.

Двое смотрели друг на друга.

Как раз когда Юнь Пяньпянь думала, что Сяо Чанъюань не ответит ей, он вдруг прошептал:

— Госпожа, может быть, вы сами этого не замечаете, но вы смотрите на маленького кролика и цыпленка такими глазами как будто хотите их съесть, и вы действительно этого хотите. Такими же глазами вы смотрите и на меня. Голодными глазами…

Сердце Юнь Пяньпянь замерло.

Кожу головы тут же начало покалывать.

— Правда?

Неужели она смотрела на Сяо Чанъюаня голодными глазами?.. Может, это потому, что она слишком возбуждена?

Юнь Пяньпянь тут же отмела эту мысль. Нет, она серьезная девочка. И не такая уж возбужденная. Значит, должно было быть что-то другое.

Юнь Пяньпянь устроила мозговой штурм.

Возможно, она смотрела на Сяо Чанъюаня голодными глазами потому, что у нее были скрытые мотивы. Поэтому глаза, которыми она смотрит на него, и на еду так похожи.

Она заботилась о кроликах и птенцах, потому что хочет их съесть. А о Сяо Чанъюане она заботилась потому, что хотела выполнить задание и вернуться в современную эпоху.

В ее глазах были видны намерения, поэтому Сяо Чанъюань почувствовал, что что-то не так.

Думая об этом, Юнь Пяньпянь вдруг почувствовала себя виноватой. И чем больше она чувствовала себя виноватой, тем больше она несла чушь.

— Муж, ты ошибаешься, мои глаза полны любви.

Сяо Чанъюань нахмурился:

— Правда?

— Конечно.

Юнь Пяньпянь подмигнула ему с достойным видом.

— Я же твоя жена, как я могу тебе лгать?

Сяо Чанъюань слегка поджал свои тонкие губы, глядя на нее холодными и темными глазами. Он молчал. А она нервничала всё больше.

Она похлопала его по плечу, отчаянно пытаясь отвлечь внимание.

— Я думаю, что, возможно, ты слишком устал в последнее время, поэтому ты и подумал об этом…

Сяо Чанъюань продолжал молчать.

Юнь Пяньпянь немного подумала и сказала:

— Почему бы нам не прогуляться? У нас нет регистрации и мы не можем пойти в уезд, но мы можем пойти на городской рынок. После прогулки по городу мы купим все, что нам понадобится… Что скажешь, муж?

Он не стал отказываться.

— Хорошо.

Городской рынок находился неподалеку от деревни Цзянцзя.

Они шли туда примерно столько времени, сколько горит палочка благовоний.

Это было многолюдное место. Продавали в основном дыни, фрукты и овощи, свинину и

баранину, а также некоторые виды рукоделия. Все выглядело очень колоритным: вдоль улицы один за другим стояли и кричали лоточники, расхваливая свой товар.

Сяо Чанъюань несмотря на холодность и отстраненность, был красивым мужчиной. Даже в большой толпе он привлекал слишком много внимания. Так случилось и здесь: как только он появился, он быстро привлек всеобщее внимание.

Люди на рынке, мужчины и женщины, молодые и старые, все смотрели на Сяо Чанъюаня. Они как будто забыли зачем пришли, и никто больше не обращал внимания на лоточников и их товары.

Юнь Пяньпянь сразу нахмурилась. Он был слишком приметен, и так Чу И мог быстро его найти. А если Чу И найдет Сяо Чанъюаня на три года раньше, чем в книге, это будет катастрофа!

Подумав об этом, Юнь Пяньпянь тут же потянула Сяо Чанъюаня в сторону, подальше от людей. Найдя укромный уголок, она наклонилась и подняла немного грязи с земли. Она начала размазывать ее по красивому лицу Сяо Чанъюаня.

Он хмурился и пытался от нее отмахнуться.

— Что ты делаешь?

— Они все смотрят на тебя, я ревную! Только я могу смотреть на моего мужа! — ответила Юнь Пяньпянь.

Сяо Чанъюань рассердился, услышав это. Как он мог жениться на такой ревнивой женщине?

— И поэтому ты не нашла ничего лучше, как измазать меня грязью?

— Может ты хочешь купить вуаль? Хотя я думаю, что мой муж выглядит хорошо во всем… — ехидно спросила Юнь Пяньпянь.

— Замолчи и продолжай!

Юнь Пяньпянь не поверила своим ушам:

— Значит, муж согласен?

Ответом ей был хмурый взгляд.

Юнь Пяньпянь обрадовалась, ее глаза изогнулись в полумесяцы, и она отчаянно продолжила мазать его лицо.

— Подожди минутку, я почти закончила.

Сяо Чанъюань рассердился еще больше, увидев яркую улыбку на лице Юнь Пяньпянь.

— Не надо смеяться.

— Разве я не могу просто посмеяться? Муж, ты больше не любишь меня?

— ....

Женщины — это хлопотно.

Хотя Сяо Чанъюань презирал свою жену, ей было позволено поступать неправильно.

Как она могла быть его женой?! Она вообще не могла быть чьей-то женой.

Она просто больная.

http://tl.rulate.ru/book/79056/2390615